

Правда и ложь Великого идеополя общественного самосознания

Валерия Мухина

НАУКА: УЧЕНЫЕ, ФАЛЬСИФИКАТОРЫ И ПЛАГИАТОРЫ*

Аннотация. Обсуждаются: обязательные личностные качества, которые содействуют успеху ученого в познании; значение воссоединения научного творчества и моральных ценностей. Рассматриваются: глубокие позиции мыслителей относительно теории; проблемы поиска истины и невольные фальсификации; преемственность идей и их заимствования; сознательные фальсификации и плагиат.

Ключевые слова: научная теория; научное мировоззрение; Великое идеополе общественного самосознания; творчество; социально-этические проблемы науки; научное творчество и моральные ценности; преемственность; заимствования; квазиученые: фальсификаторы; плагиаторы; компиляторы.

Abstract. Obligatory personal qualities contributed to scientist's success in cognition and the meaning of reunification of scientific activity and moral values are discussed. Profound attitudes of thinkers in regard to theory, search for truth's problem and unintentional falsifications are considered. Continuity of ideas and its borrowing, conscious falsification and plagiarism are argued.

Keywords: scientific theory, scientific world outlook, Great ideofield of social self-consciousness, creativity, socio-ethical problems of science, scientific activity and moral values, continuity, borrowing, quasi-scientists falsifiers, plagiarists, compilers.

---

* Окончание. Начало см.: Мухина В.С. Наука: Ученые, фальсификаторы и плагиаторы // Развитие личности. – 2012. – № 4. – С. 162–183.

3. Преемственность и заимствования в их позитивном продвижении

*Человек есть мыслящее существо
и есть всеобщее...*

Г.В.Ф. Гегель

Любая научная
работа исходит
из убеждения
в познаваемости
мира

Наука как составная часть духовной культуры человечества предъявляет особые требования к предмету исследования и к ученым – высококвалифицированным специалистам, преследующим духовные цели. Размышляя о значении науки, А. Эйнштейн писал: «Нет сомнения в том, что любая научная работа, за исключением работы, совершенно не требующей вмешательства разума, исходит из твердого убеждения... в рациональности и познаваемости мира» [1, с. 173]. Ученые в поисках истины могут идти напролом, работать денно и нощно, забывая о своих естественных потребностях. Однако число истинно преданных науке ученых не столь уж значительно, как это может представиться обыденному сознанию.

Храм науки –
строение
многосложное

А. Эйнштейн выражал уверенность: «Храм науки – строение многосложное. Различны пребывающие в нем люди и приведшие их туда духовные силы. Некоторые занимаются наукой с гордым чувством своего интеллектуального превосходства; для них наука является тем подходящим спортом, который должен им дать полноту жизни и удовлетворения честолюбия. Можно найти в храме и других: плоды своих мыслей они приносят в жертву исключительно в утилитарных целях. Если бы посланный Богом ангел пришел в храм и изгнал тех, кто принадлежит к этим двум категориям, то храм бы катастрофически опустел. Но все-таки кое-кто из людей как прошлого, так и нашего времени в нем бы остался» [1, с. 167]. Безусловно солидаризируясь с мнением А. Эйнштейна относительно различных категорий людей, пребывающих в науке, следует согласиться и с тем, что значительная часть (возможно даже наибольшая) этих людей в истории человечества принимала и продолжает принимать участие в построении храма науки. Справедливо писал А. Эйнштейн о том, что реально этих людей удовлетворяет любая арена человеческой деятельности: «станут ли они инженерами, офицерами, коммерсантами или учеными – это зависит от внешних обстоятельств» [1, с. 167].

Феноменология
научной теории

Следующая проблема науки – подлинная феноменология научной теории. Согласно выдающемуся философу и логике XX века Карлу Попперу, «научные теории представляют собой *подлинные предположения* – высокоинформативные догадки относительно мира, которые хотя и не верифицируемы (то есть нельзя показать, что они истинны), но могут быть подвергнуты строгим критическим проверкам. Они являются серьезными попытками обнаружить истину» [2, с. 194].

Сущность
предположений,
истины и реальности

В своих исследованиях К. Поппер неизменно обращался к обсуждению сущности предположений, истины и реальности. При этом философ истово погружался в обсуждение проблем теории научного знания. Он считал, что «если теория проверяема, то отсюда следует, что события определенного рода не могут происходить, поэтому она нечто утверждает относительно реальности <...>».

Теории – это наши собственные изобретения, наши собственные идеи. Они не навязываются нам извне, а представляют собой созданные нами инструменты нашего мышления» [2, с. 197–198]. При этом философ выражал уверенность в том, что в открытии новых миров наш интеллект торжествует над нашим чувственным опытом.

К. Поппер полагал, «что мы живем в мире, в котором нам надо постоянно проверять и постоянно взвешивать не только наши научные утверждения, но и наши моральные позиции» [3, с. 78]. Обсуждая идеи научных проблем и псевдопроблем (псевдоутверждений), ученый многократно обращался к проблеме *верификации** [3, с. 119].

Истина и
фальсификации

К. Поппер в своей классической работе по философии, посвященной объективному знанию, подвел итоги всех предшествующих исследований. Он обсуждал роль понятия «истина» в философии, идеи критического рационализма и правдоподобности научных теорий, а также особенности фальсификационизма.

Согласно К. Попперу, фальсификационизм является проявлением эмпиризма, сводящего научное познание к фиксации эмпирически данного, что способно снимать противоречия в процессе сложного и многоступенчатого совершенствования и развития гипотез и теорий. Фальсифицировать – значит возможность осуществления фальсификации как нормативной методологической процедуры. Речь идет об интеллектуальном действе – проверке заявленной идеи эмпирическим путем.

---

* *Верификация* [лат. *verus* истинный + *facere* делать] – проверка истинности теоретических положений, установление достоверности опытным путем.

Возможность
изменения
устоявшихся
мнений

Философ ратовал за поиск истины, за новые научные проблемы и теории. Он писал, что «для теоретика такая новая теория будет ценна не только из-за её успеха и из-за того, что она, возможно, истинна, а еще и из-за того, что она, возможно, ложна: она интересна как объект для дальнейших испытаний, то есть новых попыток опровержения, которые в случае успеха не только установят новое отрицание теории, но и поставят новую теоретическую проблему для следующей теории» [4, с. 24]. Цель науки – «наткнуться на истинную теорию» [4, с. 25].

К. Поппер настаивал на том, что даже сформированные утверждения могут и (должны!) быть доступны критике: «Так, даже “устоявшееся” мнение изменяется, когда его формулируют, и снова изменяется после того, как его сформулируют... здесь имеется целый спектр возможностей – от фанатического принятия, стремящегося подавить все сомнения и колебания, до пробного принятия, с готовностью в любой момент пересмотреть и переменить свои взгляды и даже, может быть, с активным поиском опровержений» [4, с. 35].

К. Поппер постоянно повторял: «В науке мы *ищем истину*» [4, с. 74]. При этом он предупреждал о возможных фальсификациях, которые нуждаются в научно обоснованных опровержениях. Нефальсифицируемыми, согласно К. Попперу, являются такие положения, которые компетентными специалистами признаются настолько обоснованными, что в дальнейшем проверка не требуется.

Поиск объективного
знания

Путь К. Поппера к пониманию значения поиска объективного знания – путь истинного мыслителя, заинтересованного в теории познания, основанной на здравом смысле [4, с. 81]. Философ совершенно справедливо полагал, что теория познания по своей сути всегда остается субъективистской. Однако, следует заметить, что постепенно эта теория может стать объективным научным постулатом или раствориться в анналах текущего времени: многое зависит от интереса последователей.

Фальсификации, созданные фанатическими устремлениями к истине, затмевающими способность к научной рефлексии и опровержениям выстроенных теорий, – следствие ошибок искренних исследователей и увлеченных квазиидеями так называемых теоретиков. Но страстные исследователи и теоретики, если они действительно ищут истину, в состоянии прийти в себя и начать активно искать опровержения своим субъективным положениям, выдвинутым в качестве истинных.

В науку
устремляются
и фальсификаторы
её идей

Другое дело фальсификация с корыстью.

К сожалению, в науку устремляются не только искренне заблуждающиеся, но и такие люди, которые готовы подрывать её цели и устои, фальсифицируя идеи и понятия, похищая их у других. В этом случае приходится говорить о *фальсификациях* в науке.

Фальсификация [лат. falsificare – подделывать] в обыденном сознании – подделывание, искажение, сознательная подмена чего-либо подлинного ложным, мнимым; изменение с корыстной целью содержания (смысла) текста или его интерпретации. Фальсификация требует опровержений.

Фальсификация довольно распространенное явление, связанное с искажением значений и смыслов первоисточника с целью придать веса своим авторским опусам.

Я неоднократно обращала внимание на фальсифицирование идей и мыслей, которые преподносились аудитории вполне образованными преподавателями на лекциях. К примеру, они ссылались на известных ученых, приводили «их мысли», которых реально те никогда не высказывали. Ничем как демонстрацией своей квазиосведомленности и тщеславием я не могла объяснить такие поступки коллег.

Условия,
провоцирующие
фальсификацию
в науке

В моем опыте работы с начинающими исследователями в сфере психологии я нередко наблюдаю, когда фальсификация проявляется в условиях попытки интерпретации ключевых идей из сферы философии и психологии. Философам и ученым подчас приписываются те идеи и те понятия, которые реально отсутствуют в их трудах. Происходит ли это из-за слабой способности к научной рефлексии или по мотивам создания впечатления о наполненности предтечами темы избранного исследования – сказать сложно. Но у меня нет сомнений относительно того, что сам горе-исследователь знает, что он специально фальсифицирует чужие тексты.

Фальсификация
как способ
опровержения
научного
утверждения

В философии фальсификация может выступать как способ опровержения (установлении ложности) научного утверждения посредством его эмпирической проверки. Возможность выявления условий осуществления фальсификации как нормативной методологической процедуры названа *фальсифицируемостью*. Это понятие ввел в философию науки К. Поппер в связи с формулировкой так называемого *принципа фальсифицируемости*.

В методологии науки процедура фальсификации рассматривается в рамках гипотетико-дедуктивного метода, когда логический вывод непосредственно эмпирически проверяемых следствий из предполагаемой

гипотезы, выходящей за пределы эмпирически данного, служит основанием для определения или опровержения этой гипотезы [5, с. 159].

Согласно В.С. Швыреву, примитивный фальсификационизм (как и конкурирующий с ним в философии науки неопозитивизма верификационизм) является проявлением эмпиризма, сводящего научное познание к фиксации чувственно, эмпирически данного и игнорирующего своеобразие концептуально-теоретического мышления [5, с. 159].

Указывать здесь имена и фамилии тех, кто проявлял слабость и прибегал к фальсификации, не буду: иных уж нет, иные еще желтороты; надеюсь, что, набравшись жизненного и научного опыта, они не станут подменять подлинное ложным.

Займствовани

В контексте обсуждаемых значимых проблем важно обсудить значение еще одного понятия – займствование. *Займствование* – то, что займствовано, перенято.

Можно говорить о таких разных формах займствования, как постыдные и достойные займствования.

Постыдные
займствования

Л.Н. Толстой, обсуждая вопрос о том, «что такое искусство?», писал о том, что «художники, для того чтоб удовлетворить требованиям людей высших классов, должны были выработать такие приемы, посредством которых они могли бы производить предметы, подобные искусству. И приемы эти выработались.

Приемы эти следующие: 1 – *займствование*, 2 – подражательность, 3 – поразительность и 4 – занимательность» [6, с. 139].

Выражу свою солидарность с Л.Н. Толстым. Действительно, для того, чтобы удовлетворить требованиям общества, те, кто приписывает себя к кругу художников, писателей или ученых, нередко готовы использовать приемы, описанные проницательным писателем.

Л.Н. Толстой писал о своевольных, недостойных займствованиях из известных произведений искусства или даже о займствовании целых сюжетов, которые переделывают, чтобы они выглядели чем-то новым. Если это делают глупые и неталантливые люди, то сразу видно в чем дело. Но «*когда за такие займствования берутся люди начитанные и талантливые*», то те займствования «принимаются публикой за произведения искусства...» [6, с. 140–141]. То же можно сказать и о бездарных и талантливых займствованиях в науке*.

* О других, поучительных для людей, приемах уподобления искусству или науке мы здесь говорить не будем.

Достойные
заимствования

В контексте нашего обсуждения, речь идет о постыдном заимствовании.

Однако, следует специально указать, что заимствование – дело амбивалентное.

Известно, что Н.В. Гоголь заимствовал сюжет «Мертвых душ», предложенный А.С. Пушкиным. И.С. Тургенев и Ги де Мопассан по взаимному согласию и интересу заимствовали сюжеты своих произведений друг у друга, но у каждого из них был собственный художественный стиль и свои вариации единого сюжета. Упомянутые мной заимствования – открытые способы присвоения, перенятия лежащих в Великом идеополе общественного сознания идей и образов, сформулированных и искренне предложенных авторитетными и щедрыми гениями другим гениям.

По поводу заимствования (преемственности) И.П. Эккерман в «Разговорах Гете в последние годы его жизни» привел следующую мысль И. Гете: «В искусстве едва ли не главенствующую роль играет преемственность. Когда видишь большого мастера, обнаруживаешь, что он использовал лучшие черты своих предшественников и что именно это сделало его великим. Такой художник, как Рафаэль, из земли не растет. Его искусство зиждилось на античности, на лучших творениях прошлого. Ежели бы он не использовал преимуществ своего времени, о нем не стоило бы и говорить» [7, (от 4 января 1827)].

Нельзя не согласиться с мнением И. Гете относительно значения предтеч прошлого. О значении опыта прошлого писали многие художники, поэты, писатели, философы и ученые.

Авторское
творчество
и предшественники

Л.С. Выготский также писал о значении преемственности: «писатель, закрепляющий письменный продукт своего творчества, отнюдь не является индивидуальным творцом своего произведения. Пушкин отнюдь не одиноличный автор своей поэмы. Он, как и всякий писатель, не изобрел сам способа писать стихами, рифмовать, строить сюжет определенным образом и т.п., но, как и сказитель былины, оказался только распорядителем огромного наследства литературной традиции, в громадной степени зависимым от развития языка, стихотворной техники, традиционных сюжетов, тем, образов, приёмов, композиции и т.п.

Если бы мы захотели расчисть, что в каждом литературном произведении создано самим автором и что получено им в готовом виде от литературной традиции, мы очень часто, почти всегда, нашли бы, что на долю личного авторского творчества следует отнести только

выбор тех или иных элементов, их комбинацию, варьирование в известных пределах общепринятых шаблонов, перенесение одних традиционных элементов в другие системы т.п.» [8, с. 18].

Возможность ошибок в суждениях о значении предтеч

Я полагаю, что здесь Л.С. Выготский, высказавшийся в столь категорической форме о гении Александра Сергеевича Пушкина, исходя из значимости идеи преемственности опыта человечества, явно погорячился. Значение опыта поколений и богатства обретенных знаний безусловно. Безусловный потенциал знаний, образов и идей, сформировавших сферы Великого идеополя общественного сознания, дается людям не только образованным и мыслящим, но и *талантливым*, готовым продуцировать принципиально новые образы и идеи [9]. Творческая личность самоактуализируется через погружение в избранную сферу деятельности. Она обладает многими качествами делающими человека гением: выраженной цельностью, внутренней свободой, готовностью к поиску новых образов и идей, к риску, и, конечно, чувством ответственности за избранный путь.

Александр Сергеевич Пушкин был безусловным гением... Великий А.С. Пушкин исходил из предшествующих и индивидуально рожденных образов, но имел талант особенного созерцания, видения и мышления. Он одарил Россию высоким вдохновенным чувством языка. Он одарил нас новым звучанием слов и их глубинными значениями и смыслами.

Всякое новое откровение имеет предтечи

Безусловно, не только художники и поэты вырастают из преемственности образов и идей заполняющих сферы Великого идеополя общественного самосознания. Всякое откровение в искусствах, философии и науках имеет предтечи. Всякое откровение по сути своей несет в себе шлейфы образов и идей, рожденных великими предшественниками.

Так, Платон писал о *многозначности человека*, о двойственности его натуры: звероподобной и человеческой (вернее божественной) [10, с. 385]. В то же время Аристотель настойчиво повторял: «Человек по природе существо общественное» [11, с. 63]; «Человек – общественное существо и жизнь сообца прирождена ему» [11, с. 259]. Идеи о многозначности человека и о его общественной сущности не ушли в анналы истории, а сохранились на все последующие времена и стали развиваться мыслителями, обретая всё новые обоснования и интерпретации. Однако можно допустить, что у Платона и Аристотеля могли быть предшественники – философы, которые наставляли их в юные лета.

Возможность
проследить
преемственность
идей

Безусловно, можно проследить преемственность идеи о двойственности природы человека и о его общественной сущности от Платона и Аристотеля по сей день. Я остановлюсь лишь на некоторых идеях, получивших сущностное развитие в философии и социальных науках.

Вслед за К. Марксом и Ф. Энгельсом последующие мыслители развивали и продолжают развивать заимствованные и сформулированные ими заново идеи относительно общественной сущности человека, которые вошли в методологические основания социальных наук как значимые положения.

Исходя из положения Аристотеля об общественной сущности человека и из собственного видения феномена человека, К. Маркс писал: «... сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» [12, с. 3]. И далее речь шла о том, что каждое новое поколение «... застаёт в наличии определенный материальный результат, определенную сумму производительных сил, исторически сложившееся отношение людей к природе и друг к другу <...>, которые, хотя, с одной стороны, и видоизменяются новым поколением, но, с другой стороны, предписывают ему его собственные условия жизни и придают ему определенное развитие...» [13, с. 37]. К. Маркс настаивал, что человеческие отношения включены в исторический контекст: «... история отдельного индивида отнюдь не может быть оторвана от истории предшествовавших или современных ему индивидов, но определяется ею» [13, с. 440].

Чувства и мышление
общественного
человека

И далее К. Маркс продолжал обсуждать идеи преемственности человеческой сущности: «... *чувства* общественного человека суть *иные* чувства, чем чувства общественного человека. Лишь благодаря предметно развернутому богатству человеческого существа развивается, а частью и впервые порождается, богатство субъективной *человеческой* чувственности: музыкальное ухо, чувствующий красоту формы глаз, – короче говоря, такие *чувства*, которые способны к человеческим наслаждениям и которые утверждают себя как *человеческие* сущностные силы» [14, с. 122].

Что касается человеческого мышления, то Ф. Энгельс задавался вопросом: «Суверенно ли человеческое мышление?... Есть ли это мышление отдельного единичного человека?» И философ отвечал: «Нет. Но оно (мышление, *В.М.*) существует только как индивидуальное мышление многих миллиардов прошедших, настоящих и будущих людей.

Следовательно, если я говорю, что это обобщаемое в моём представлении мышление всех этих людей, включая и будущих, *суверенно*, то есть что оно в состоянии познать существующий мир, поскольку человечество будет существовать достаточно долго и поскольку в самих органах и объектах познания не представлены границы этому познанию, – то я высказываю нечто довольно банальное и к тому же довольно бесплодное. Ибо самым ценным результатом подобного высказывания было бы лишь то, что оно настроило бы нас крайне недоверчиво к нашему нынешнему познанию, так как мы, по всей вероятности, находимся еще почти в самом начале человеческой истории, и поколения, которым придется поправлять *нас*, будут, надо полагать, гораздо многочисленнее тех поколений, познания которых мы имеем возможность поправлять теперь, относясь к ним сплошь и рядом свысока» [15, с. 87].

Идеи об исторической природе человека

В наше время мы можем обратиться к любому мыслителю, пришедшему к новому этапу откровений в науках. Так как мне ближе всего откровения, связанные с познанием феноменологии человека как личности, то я преданно обращаюсь к ближайшей истории открытий в психологии.

Исходя из положений предтеч философского видения феноменологической сущности человека, можно продолжить отслеживание развития идей об исторической природе человечества.

Так, отдавая должное чувству удивления и восхищения идеями Льва Семеновича Выготского относительно истории развития высших психических функций* человека, мы можем найти соответствующие его времени предтечи, которые сподвигли движение его научного гения к провидению феноменальных особенностей персоны современного человека как результата исторического развития человеческого рода.

Необходимость поиска продуктивных идей в арсеналах предшественников

Сам Л.С. Выготский весьма добросовестно изыскивал в трудах как философов (прежде всего К. Маркса и Ф. Энгельса), так и выдающегося мыслителя и физиолога, лауреата Нобелевской премии Ивана Петровича Павлова, те идеи, которые побуждали его мышление к проникновению в сущностную феноменологию высших психических функций.

Л.С. Выготский исходил из социальной природы человека и обращался в этой связи к суждениям К. Маркса [16, с. 112] и Ф. Энгельса [16, с. 114].

* *Выготский Л.С. (1896–1934)* завершил свой труд «История развития высших психических функций» в 1931 г. Работа была опубликована в 1960 г.

Изменение
человеком в своей
истории своей
собственной
природы

К. Маркс писал о том, что для человеческого приспособления значимо активное *изменение природы человеком*. Согласно К. Марксу, воздействуя на природу и изменяя её, человек «в то же время изменяет свою собственную природу. Он развивает дремлющие в последней способности и подчиняет игру этих сил своей собственной власти» [17, с. 188]*.

Ф. Энгельс, поддерживая мнение своего единомышленника, полагал: «Как естествознание, так и философия, до сих пор совершенно пренебрегали исследованием влияния деятельности человека на его мышление. Они знают, с одной стороны, только природу, а с другой – только мысль. Но существеннейшей и ближайшей основой человеческого мышления является как раз *изменение природы человеком*, а не одна природа как таковая, и разум человека развивался соответственно тому, как человек научился изменять природу» [18, с. 545]**.

В своем капитальном труде «Развитие высших психических функций» Л.С. Выготский тщательным образом анализировал философов, идеи которых легли в основу отечественной психологии.

Выделение человека
из ряда животных

Л.С. Выготский обращался также и к идеям И.П. Павлова [16, с. 110–111], который писал о том, что «основная и самая общая деятельность больших полушарий есть сигнальная, с бесчисленным количеством сигналов и с переменной сигнализацией» [19, с. 30].

И.П. Павлов размышлял о том, что высшая нервная деятельность «поражающе резко выделяет человека из ряда животных» и «неизмеримо высоко ставит человека над всем животным миром» [19, с. 414].

Грандиозная
сигналистика речи

И.П. Павлов отводит особое значение слову. Он писал: «Слово, благодаря всей предшествующей жизни взрослого человека, связано со всеми внешними и внутренними раздражениями, приходящими в большие полушария, все их сигнализирует, все их заменяет и потому может вызвать все те действия, реакции организма, которые обуславливают эти раздражения» [19, с. 429]. Апеллируя к этому положению И.П. Павлова, Л.С. Выготский продолжил размышления о том, что человек создал «сигнализационный аппарат, систему искусственных условных стимулов, с помощью которых он создает любые искусствен-

* Цитировано по работе Л.С. Выготского «Развитие высших психических функций» – М., 1960. См.: – С. 112 [Маркс К., Капитал, Т.1. – М.: Госполитиздат, 1950, – С. 184];

** Там же. – С. 114 [Энгельс Ф., Диалектика природы. – М.: Госполитиздат, 1955. – С.183].

ные связи... Если вслед за Павловым сравнивать кору больших полушарий с грандиозной сигнализационной доской, то можно сказать, что человек создал *ключ* к этой доске – грандиозную сигналистику речи, – с помощью которого он извне овладевает деятельностью коры и господствует над поведением» [16, с. 115].

Далее Л.С. Выготский писал, что «психологическое развитие человека шло в филогенезе и идет в онтогенезе не только по линии совершенствования и усложнения самой грандиозной сигнализационной доски, то есть структуры и функций нервного аппарата, но и по линии выработки и приобретения соответствующей грандиозной сигналистики речи, являющейся ключом к этой доске» [16, с. 115].

Психологические
связи нового типа

Согласно пониманию Л.С. Выготского, здесь «возникают психологические связи нового типа внутри одной и той же системы поведения». Этот переход от социального воздействия вне личности, к социальному воздействию внутри личности Л.С. Выготский поставил в центр своего исследования и попытался «выяснить важнейшие моменты, из которых складывается процесс подобного перехода» [16, с. 116]. Таким образом, психолог последовательно подходил к идее о социальном воздействии на других с помощью знаков.

Социальная
реальность,
базирующаяся на
коллективных
представлениях

В этой связи нельзя опустить глубокую включенность Л.С. Выготского в идею Люсьена Леви-Брюля о социальной реальности, базирующейся на совокупности коллективных представлений*. Психолог тщательно изучал идеи Л. Леви-Брюля и обсуждал их в своих работах о развитии высших психических функций.

Известно, что Л. Леви-Брюль писал о коллективных представлениях, что они «могут распознаваться по следующим признакам, присущим всем членам данной социальной группы: они передаются в ней из поколения в поколение, они навязываются в ней отдельным личностям, пробуждая в них, сообразно обстоятельствам, чувства уважения, страха, поклонения и т.д. в отношении своих объектов, они не зависят в своём бытии от отдельной личности. Это происходит не потому, что представления предполагают некий коллективный субъект, отличный от индивидов, составляющих социальную группу, а потому, что они проявляют черты, которые невозможно осмыслить и понять путем одного

* *Леви-Брюль Л. (1857–1939)* – французский философ-позитивист, социолог и этнограф, автор работ «Первобытное мышление» (1922); «Первобытная душа» (1928); «Сверхъестественное и природа первобытного мышления» (1931) и др.

только рассмотрения индивида как такового. Так, например, язык, хоть он и существует, собственно говоря, лишь в сознании личностей, которые на нем говорят, – тем не менее несомненная социальная реальность, базирующаяся на совокупности коллективных представлений. Язык навязывает себя каждому из этих личностей, он предшествует ей и переживает её» [20, с. 9].

Человека следует определять исходя из человечества

Далее Л. Леви-Брюль обратил наше внимание на знаменитую формулу Огюста Конта, которую тот ясно выразил в своём «Курсе позитивной философии»*: «Его знаменитая формула, согласно которой “не человечество следует определять, исходя из человека, а напротив, человека – исходя из человечества”, означает, что *высшие умственные функции* остаются непонятыми, если ограничиться изучением отдельной личности» (курсив мой, В.М.) [20, с. 11].

Здесь значимо для понимания поступательного развития научного постижения сущности феномена человека выделение понятия *высшие умственные функции*. Это понятие, возможно, стало предтечей понятия Л.С. Выготского *высшие психические функции*. В рассматриваемой нами ретроспективе можно увидеть глубинную преемственность и значимость последовательно развивающейся идеи.

Продуктивные заимствования – предтечи новых идей

В своей работе «Этюды по истории поведения» Л.С. Выготский и А.Р. Лурия подтвердили готовность признать идеи Л. Леви-Брюля о значении коллективных представлений, возникающих в результате социальной жизни какого-нибудь народа. Ученые писали: «Они являются общими для всех членов данной группы. Здесь они передаются из поколения в поколение. Они передаются индивиду часто уже в сложившемся виде, а не вырабатываются в нем. Они ему предшествуют и переживают его, подобно тому, как и язык имеет такое социальное, независимое от отдельного индивида существование».

Таким образом, меняется основная точка зрения на самый вопрос. Говоря словами Конта, Леви-Брюль пытается не человечество определить по человеку, но, напротив, человека по человечеству <...> самую психологию индивида он пытается объяснить из характера коллективных представлений, возникающих в этих группах, и из типа или структуры того общества, в котором эти люди живут» [21, с. 61–62].

* *Конт Огюст* (1798–1857) – французский философ, основатель позитивизма и социологии. Основной труд – «Курс позитивной философии» в 6 томах. На русский язык работа переведена под названием «Курс положительной философии» с 5-го французского издания, – Т.1–2 1900–1901.

«Кто имеет уши слышать, да слышит»

Последующие мыслители, заимствуя ключевые идеи своих предшественников, свободно и достоверно развивали их через своё внутреннее видение. Конечно, можно было бы еще более скрупулезно исследовать истоки идей, питающих колоссальные прорывы гения Льва Семеновича Выготского.

Прораствание заимствований идей предтеч сущностно сопряжено с притчей о сеятеле и семени [Лк. 8:5–15]. Здесь нельзя не сказать: «Кто имеет уши слышать, да слышит»!

Можно было бы и далее рассматривать известные философии и наукам случаи преемственности и заимствования, которые стали кристаллом, продуцирующим развитие новых идей. Однако мы преследуем иные цели. Обратимся к проблеме фальсификации и плагиата в науке.

4. Фальсификаторы и плагиаторы – квазиученые и квазиличности*

Учителям неприлично преподавать наставления, выписанные из сочинений других.

Преподобный Иоанн Лествичник

Тщеславие должно испариться и превратиться в ничто...

Г.В.Ф. Гегель

Совесть – чувство духа человеческого, тонкое, светлое, различающее добро от зла.

Святитель Игнатий Брянчанинов

Эта часть моего труда требует иной тональности...

Фальсификация, плагиат и компиляция занимают особое место в сфере науки.

Согласно значениям русского языка, фальсификации, плагиат и компиляции, – просто воровство

Фальсификации, как мы об этом уже писали выше, – это подмена чего-либо подлинного ложным, изменение подлинного с корыстной целью, чаще всего под влиянием мотивов гордыни и тщеславия**.

Плагиат [лат. *plagiо* – похищаю] – присвоение, воспроизведение чужого текста или его части под своим

* В этой части моего труда я использовала рефлексии моих коллег на факты плагиата, опубликованные ранее, а так же материалы, специально предоставленные мне для иллюстрации столь распространенной ныне проблемы нарушения авторских прав.

** В контексте данного обсуждения мы уходим от введенного в науку К. Поппером понимания фальсификации как интеллектуального действия в поисках истины.

именем или псевдонимом, а также изложение чужих трудов без ссылки на них. Плагиат чаще всего осуществляется под влиянием мотивов притязания на признание и затаенного тщеславия.

В науке и литературе используют еще одно понятие, отражающее собой тот же смысл происходящего, что и плагиат, – компиляция.

Компиляция [лат. *compilatio* – ограбление] – это составление текста путем присвоения чужих результатов умственного труда или фрагментов чужих произведений без самостоятельной интеллектуальной проработки чужих идей и их обсуждения, без ссылок на авторов.

Принципы
вхождения в науку

На нашем факультете педагогики и психологии МПГУ я обсуждаю со студентами и магистрантами принципы вхождения в науку всех тех, кто избрал для себя деятельность ученого-исследователя, а также преподавателя вуза.

В лекционном курсе «Феноменология развития и бытия личности» и на методологическом семинаре «Методология проблемы развития и бытия личности» я обсуждаю с обучающимися такие принципы, как Fair Play (игра по правилам); антифальсификация; антиплагиат; антикоррупция.

Законы этики
профессионала
ученого

Мы обсуждаем со студентами и магистрантами законы этики профессионала ученого. Профессионал не позволяет себе воровство чужого труда ни в каком виде. Начиная вступать в науку не должны допускать фальсификации и плагиата. Они не имеют права беззастенчиво использовать чужие работы, скачивая научные тексты из интернета и презентуя их как результаты своих интеллектуальных усилий.

Поскольку российские университеты должны занимать значимые места в рейтингах мировых университетов, мы обсуждаем закон об образовании и государственную программу «Развитие образования на период с 2013 по 2020 год»; права обучающихся на самостоятельный путь в науке; фальсификации как подмену утвердившейся идеи или теории ложными постулатами, положения о сущности плагиата и компиляции.

Суестьность тщеславия
и необходимость
значения
содержания

Здесь следует вспомнить мысль Георга Вильгельма Фридриха Гегеля относительно суестьности тщеславия. Он писал: «Тщеславие должно испариться и превратиться в ничто, когда для человека становится необходимостью существенное содержание, когда он дошел до того, что лишь такое содержание имеет для него значение» [22, с. 80].

Мышление как
всеобщая субстанция
духовного

Отречение от возможного присутствия в себе тщеславия фиксирует внимание ученого на абсолюте мышления. Согласно Г.В.Ф. Гегелю, «Мышление составляет не только субстанцию внешних вещей, но также и всеобщую субстанцию духовного. Во всяком человеческом созерцании имеется мышление. Мышление есть также всеобщее во всех представлениях, воспоминаниях и вообще в каждой духовной деятельности... Все они представляют собой дальнейшие спецификации мышления» [22, с. 122]. И далее философ заключил: «Человек есть мыслящее существо... лишь постольку, поскольку для него *существует* всеобщее» [22, с. 122].

Истинный ученый стремится к познанию сущности всеобщего и ему не приходит на ум порочное компилирование чужих текстов.

Не тот вор, кто
ворует, а тот кто...

В.И. Даль собрал пословицы, посвященные мошенничеству, воровству и грабежу [23, с. 222–229]. Приведу некоторые из них, пригодные к нашему случаю: «Легко воровать, да тяжело отвечать»; «И вор богу молится, да черт молитву его перехватывает»; «Раз украл, а всё вором стал (или: а на век вором стал)».

Меня пронзила пословица: «*Не тот вор, кто ворует, а тот, кто ворам поताкает*» [23, с. 228]. Именно эта пословица, записанная замечательным В.И. Далем, укрепила меня в решении писать о проблемах фальсификации, плагиата и компиляции. Я – человек склонный к прощению, в том числе и неблагоприятных поступков: мол Бог им судья... Опыт народной мудрости должен укрепить моё сердце.

Осторожно: плагиат

О плагиате пишут в нашем отечестве давно. Похищение чужих текстов практикуется повсеместно.

Начну с конца XX столетия.

Михаил Юрьевич Кондратьев (ученик Артура Владимировича Петровского) в 1995 году написал в журнале «Вопросы психологии» о поразившем его сознание и нравственное чувство открытии безнравственного плагиата из текстов многих известных психологов.

Обращаю внимание читателя на историю похищения текстов внутри единого сообщества. М.Ю. Кондратьев писал: «...С каким нетерпением я, узнав о готовящемся в Ростове-на-Дону выходе нового учебника по общей психологии (см.: Рогов Е.И., Скрипкина Т.П. *Общая психология: Курс лекций для первой ступени педагогического образования. Ремонтное: Изд-во Рост. пед. ун-та, 1995. 464 с.*), ожидал появления этой книги. Не знаю, многим ли уже удалось ознакомиться с ней и какие чувства испытали те, кто имел возможность хотя бы просмо-

треть это объемное издание. Что касается меня, то, прочитав указанный курс лекций, я понял, что не отреагировать на прочитанное, и именно письменно, не могу. Причин тому по меньшей мере две.

Прежде всего я, мягко говоря, с удивлением обнаружил, что являюсь рецензентом этой книги – именно так указано на ее титульном листе. В то же время я не только не писал какой бы то ни было рецензии на рукопись «Общей психологии», авторами которой являются Е.И. Рогов и Т.П. Скрипкина, но и не читал и даже не видел этой работы до выхода ее в свет. Но, наверное, если бы дело ограничилось только этим, я бы не стал обращаться в «Вопросы психологии», и инцидент был бы исчерпан частным разговором с авторами, с которыми мы уже долгие годы лично знакомы. Но, к сожалению, на фоне второго обстоятельства, в конечном счете и заставившего меня написать этот материал, приписывание мне авторства несуществующей рецензии выглядит невинной вольностью, малозначительным отступлением от моральных норм.

Научное воровство в
особо крупных
размерах

Речь идет об откровенном, потрясающем своей беззастенчивостью плагиате, по сути дела, о научном воровстве «в особо крупных размерах». Конечно, принципиальной разницы между списанной одной единственной фразой и присвоением многостраничной главы нет. И в том, и в другом случае «состав преступления» один и тот же – факт плагиата налицо. И все же размах впечатляет! При самом поверхностном, по существу «диагональном» прочтении текста рассматриваемого курса лекций мною обнаружено более 60 случаев прямого списывания из учебника для педвузов «Общая психология» (см.: Общая психология: Учеб. для студентов пед. ин-тов / Под ред. А.В. Петровского. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1986. 464 с.). При этом авторы «нового» лекционного курса осуществили «сквозное» использование текста учебника, а проще говоря, списали практически у всех задействованных в нем ученых — у В.П. Зинченко, П.И. Зинченко, Т.П. Зинченко, Л.Б. Ительсона, А.В. Петровского, Г.С. Середы, М.Г. Ярошевского.

К сожалению, я, не будучи специалистом по проблеме темперамента, воображения, мышления, развития психики, не смог определить, какие именно труды и каких конкретно авторов использовали Е.И. Рогов и Т.П. Скрипкина при написании соответствующих разделов «своей» книги. В то же время на то, что и в данном случае возможен плагиат, указывает, во-первых, явная стилистическая разнородность посвященных этим

вопросам лекций, а во-вторых, тот факт, что помимо учебника под редакцией А.В. Петровского источником прямого заимствования оказался и учебник для университетов “Социальная психология” Г.М. Андреевой, вышедший в 1981 г.

Фальсификация
как дезинформация

И еще на одном моменте хотелось бы остановиться. Понятно, что сделанною мною “открытие” заставило меня более пристально, чем раньше, присмотреться к научному творчеству авторов курса лекций “Общая психология”. Возможно, в сегодняшней неразберихе и полном развале библиотечного дела мои поиски и не увенчались бы успехом, если бы не “посыпавшиеся” на меня претензии целого ряда коллег, сетовавших на то, что я являюсь консультантом книги Е.И. Рогова “Настольная книга практического психолога в образовании” (М.: ВЛАДОС, 1995. 529 с.), в которой десятки методик опубликованы без согласия их создателей.

Спешу сообщить, что и к этой книге я не имею ни малейшего отношения, и хочу предупредить своих коллег: проверьте, не стали ли и вы жертвой научной нечистоплотности.

М.Ю. Кондратьев

23 октября 1995 г., Москва» [24, с. 154].

Без труда и усилий

В том же журнале «Вопросы психологии» через некоторое время находим рефлексии другого достойного психолога на беззастенчивые кражи и фальсификации.

Борис Сергеевич Братусь взял на себя труд проанализировать некое учебное пособие (см. *Столяренко Л.Д. Основы психологии: Учебн. пособие: Изд. 2-е, перераб. и доп. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996*). Анализируя сей опус, Б.С. Братусь писал: «*Книга распадается на две, почти равные по объему части – научную и практическую. Последняя обозначена как приложения, но это вполне самостоятельная и даже во многом превалирующая по смыслу часть. Так, автор отнюдь не настаивает на том, чтобы читатель начал свое знакомство с научного, теоретического раздела, но при этом выражает надежду, что путь изучения предлагаемых психологических тестов и упражнений «приведет вдумчивого человека к осознанию необходимости знакомства с теоретической частью книги» (с. 4). Автор как бы извиняется перед читателем за науку, пытаясь заранее оправдать всю скуку и ограниченность ее теорий и типологий <...> Предисловие заканчивается словами: «И тем не менее без научных типологий не обойтись. Они нужны потому, что все-таки помогают как-то прогнозировать человека,*

Беззастенчивые
фальсификация и
плагиат

помогают мыслить, пока мы помним об их искусственности и условности» (с. 5).

Далее следуют главы, кратко излагающие историю возникновения психологии, психологию познавательных процессов, сознания, формирования и развития мышления, памяти, воображения, личности, то есть то, что традиционно относится к общей психологии. К этому добавляются главы по социальной психологии, по психологии труда и по педагогической психологии. Надо отдать должное бойкому перу автора. Он излагает материал легко и свободно. Последнее заключается и в произвольности выбора тем, и в отсутствии сквозной теоретической позиции, и в свободе обращения с чужими идеями, доходящей до прямого плагиата, причем часто какого-то бегло-поверхностного, искажающего, уплощающего подлинный источник. Так, в разделе о воле приводится упрощенная схема типологии переживаний, соотношения внутреннего и внешних миров, принадлежащая Ф.Е. Василюку (с. 72), однако без упоминания его фамилии и без соответствующего указания источника в списке литературы в конце главы. На с. 88–90 легко узнать определение личности, принадлежащее А.Г. Асмолову, но опять же – ни фамилии, ни литературы. На с. 181 дан вариант самооценки по С.Я. Рубинштейн без упоминания автора методики и т.п. В этом славном ряду нашлось место и мне грешному: на с. 108–109 излагается моя типология личности, также упрощенная, не к месту приткнутая (в параграф о психологии юношеского возраста), небрежно списанная: эсхатологический слой* обозначен бессмысленным наименованием "эстохологический", смысловые уровни – "уровни отношений" и т.п. И опять – ни намек на автора типологии, отсутствие соответствующего литературного источника в конце главы.

Неряшливый
и торопливый
плагиат

Думаю, что этот неряшливый, торопливый плагиат отнюдь не случаен, он вытекает из общего отношения к науке как к чему-то скучному и серому, но пока что остающемуся все же необходимым, поэтому изложим как можно быстрее и веселее, а где что-то непонятно, запутано, трудно выговаривается, – спрямим, упростим, чтобы не утомить читателя. И не так важно поэтому, кто и что в этой науке придумал, кто и над чем бился и старался, – смело бери и черпай, что

* Эсхатология [гр. – eschatos] – религиозное учение о «конце света», входящее сущностной частью во многие религии.

на потребу, пусть будут довольны, что хоть чем-то смогли пригодиться. Главное – побыстрее к практике, к применению, к пользе, к тому, что поможет в «карьере, бизнесе, вопросах здоровья» <...>».

Далее рецензент сего квазитруда анализировал квазинаучные представления беззастенчивого автора второй части учебного пособия, которая посвящена практическому овладению психологией. Было бы очень смешно исследовать этот недобросовестный текст, если бы не было так оскорбительно стыдно за те советы, которые предлагал горе-психолог.

Обидно за психологию, представленную в столь балаганном виде

Б.С. Братусь, владея слогом, умно и смешно осветил те моменты рассуждений и советов Столяренко Л.Д., которые вызвали у профессионального психолога обиду «за психологию, представленную в столь балаганном виде».

Если бы на титуле сего творения не стояло «Рекомендовано Государственным комитетом РФ»

Резюмируя свое изложение содержания торопливого текста пособия, Б.С. Братусь завершает свою отповедь следующим образом: *«Но я бы не стал писать эту рецензию на случайно попавшуюся в руки книгу, если бы не одно обстоятельство. Действительно – мало ли какая нынче литература выходит, почему бы и не потешить обывателя, не дать ему ощущения, что вот так, запросто можно овладеть психологией. Но дело в том, что на титуле сего творения черным по белому стоит: «Рекомендовано Государственным комитетом Российской Федерации по высшему образованию в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений». И это второе издание, а впереди, наверное, грядет третье и четвертое. А вот это уже не смешно и даже не забавно. Официально, с согласия и ведома весьма почтенных рецензентов издания (профессоров А.И. Галактионова, Б.Б. Косова, П.Н. Ермакова) предлагается знакомить студентов высших учебных заведений с психологией по такому пособию, прививать им такое отношение к науке, к трудам ученых, да и к практике, которая в реальности вовсе не столь проста и плоска.*

Уважаем ли мы науку, которой призваны служить?

Прошу поэтому рассматривать данную публикацию как открытое обращение с требованием пересмотра решения Госкомитета и снятия грифа учебного пособия с книги Столяренко Л.Д. как не соответствующей уровню, содержанию и смыслу вузовского образования в России. Дело здесь, конечно, не в самих по себе санкциях, дело в принципе, в том, уважаем ли мы науку, которой призваны служить, и прививаем ли это отношение тем людям, которые впервые входят в ее область. Кстати, если ныне принято так уж во всем огляды-

ваться на Америку, то укажем, что в последнее время «американские авторы избегают называть свои работы учебником и предназначают их для широкого круга читателей» (Вопросы психологии 1998. № 1. С. 63). Вот и книге Столяренко Л.Д. пусть дадут подзаголовок “психология без труда и усилий” – “как стать психологом, мастером психодиагностики и психотерапии за две недели” и т.п. Тогда и оснований для подобного рода рецензий в серьезном психологическом журнале просто не будет» [25, с. 117–119].

Единожды
укрававший – вор
навек

Прозорливо и честно обсуждая беззастенчивые плагиаты иных «соратников по цеху», профессиональные психологи тем самым дали не только отповедь конкретным плагиаторам и фальсификаторам, но безусловно имели намерение предупредить других представителей сообщества, что красть и искажать тексты предшественников – дело постыдное.

Единожды укрававший – вор на века. Немцы в этом случае говорят: «Ни разу значит ни разу – один раз, все равно, что много раз». Мне в моем детстве сказала эту поговорку одна женщина-полиглот, образованный и умный человек (японист Ирина Львовна Иоффе). Я поняла смысл и усвоила его навсегда.

Я испытываю чувство глубокой признательности моим коллегам, взявшим на себя столь непростую миссию – уличить воров в воровстве. Здесь можно было бы и успокоиться: в сообществе задан бой плагиаторам и фальсификаторам.

Но закончился XX век, начался XXI век... Плагиат и фальсификация продолжают своё существование. Как инфекция или плесень, эти пороки проникают в сознание и поступки тех, кто стремится утвердить свои амбиции.

Соблазн похищения
из сферы смежных
дисциплин

В Пятигорском государственном лингвистическом университете в 2005 году проходили «Университетские чтения», где Николаенко И.Н. должна была сделать доклад на тему «Традиционные игры – элемент культурной традиции казаков». Текст этого доклада во многих своих частях напомнил мне что-то когда-то читанное и когда-то слышанное... И я все-таки вспомнила тексты автореферата кандидатской диссертации по психологии Анны Викторовны Черной «Универсальное и этническое в психологическом содержании традиционных игр Дона» (1999г., Москва).

Я была оппонентом у этого соискателя, так как давно и глубоко интересуюсь ментальными особенностями этносов мира и групп, которые стремятся к выде-

лению себя в качестве этносов. Большие фрагменты из автореферата А.В. Черной оказались заимствованными слово в слово в означенной статье Николаенко И.Н.

Из психологии –
в философию

Спустя два года этот квазиавтор – Николаенко И.Н. защитила диссертацию «Культурные традиции казачества в поликультурном пространстве» (Место защиты: Ставропольский гос. университет, г. Пятигорск, 2007), с чем сообщество философов, очевидно, должно было бы поздравить сего ученого.

Как вы чувствуете себя, ученый, *кандидат философских наук*? Как Вам можется? Как величают Вас Ваши коллеги?

Другое беспардонное заимствование по горячим следам было совершено Басенковой Л.В. из автореферата теперь уже докторской диссертации по психологии А.В. Черной «Развитие личности в контексте традиций игровой культуры». Я была научным консультантом этой работы. Защита состоялась в Москве, в 2007 г.

Из психологии –
в культурологию

Басенкова Л.В. в своем автореферате на соискание ученой степени *кандидата культурологи* «Детские игры в современном социокультурном пространстве России (к вопросу развития и сохранения традиций)» списала (согласно А.В. Черной) дословно около одной пятой текста ее работы. Количество списанного текста нивелируется качеством искаженных смыслов источника. А.В. Черная анализировала в своей работе сущностные реалии (как условие развития человека) в контексте разрабатываемой ею проблемы.

Дубль два:
неряшливый,
торопливый
и искажающий
сущностные идеи
плагиат

Прав был Б.С. Братусь, который определил рецензируемую им работу как «неряшливый и торопливый плагиат». Меня раздосадовало бездумное заимствование отдельных словосочетаний, которые утеряли под влиянием невежественного списывания инициативным автором исходные теоретические позиции одного психолога и их последующего развития в контексте направления исследования другого психолога – А.В. Черной, которая, указывая на методологические основы исследования, обращалась к концепции феноменологии бытия и развития личности *«согласно которой истина о человеке как личности может быть объективно раскрыта через выявление взаимосвязи культурных условий (реальностей предметного, природного, образно-знакового, социально-нормативного миров)...»* [26, с. 4–5]. Автор указала, что в теоретическом аспекте исследования она исходила из всех внешних реалий «в качестве формата, задающего логику теоретической реконструкции условий развития личности в контексте тра-

диций игровой культуры» [26, с. 5]. Плаггиатор Николаенко И.Н. искажила смыслы *бездумно и торопливо* переписываемых ею текстов.

Ученым нельзя стать тому, кто лишен нравственного стержня

Я постоянно убеждаю учащуюся молодежь в том, что психологом нельзя стать без хорошего образования. Следует изучать не только психологию как область знания, но и другие науки, заинтересованные в понимании феномена человека. Следует также постигать поэзию, литературу, изобразительные искусства и музыку. Чем более нам даются образы, идеи и системные знания из сфер Великого идеополя общественного самосознания, тем выше мы поднимаемся в своем духовном развитии. Однако я обнаружила, что смежные науки дают повод некоторым людям, притязующим на ученые степени, надежду, что они в этом случае не будут уличены в краже.

Психологом (как и ученым вообще) нельзя стать, если человек лишен нравственного стержня.

Бесконечный поток украденных текстов

О краже своих материалов мне говорили многие коллеги. Они предлагали мне тексты гореплаггиаторов.

В 1997 году кафедрой методологии методики преподавания музыки МПГУ был выпущен комплект программ. В этом наборе была опубликована и авторская программа ныне доктора педагогических наук – Аллы Владимировны Тороповой «Музыкальная психология и психология музыкального образования».

Спустя восемь лет А.В. Торопова обнаружила прямой плагиат, совершенный Овсянниковой О.А., в содержании программы «Рабочая учебная программа». (Эта программа была утверждена на заседании кафедры, протоколом №3 от 22.11.2007). Программа была заявлена на сайте Тюменского гос. университета.

Оказалось, что названный «труд» на 70–80% содержит текст авторской программы А.В. Тороповой, в которой обсуждались принципиально новые идеи. Сама А.В. Торопова рассказала: «Госпожа Овсянникова включила в (“свою”) программу все подряд, в том числе и список литературы». При этом сея госпожа после её разоблачения звонила А.В. Тороповой и беззастенчиво уверяла, что «это совпадение». Вот такие дела творятся в сообществе преподавателей.

Частный случай на фоне общего «копипаста»

Другая моя коллега – Наталия Георгиевна Осухова подготовила специально для этой статьи свой материал под названием «Частный случай на фоне общего копипаста».

Привожу ее авторский текст полностью: «*Бурное распространение интернета привело к тому, что появилось множество способов почти автоматически*

скопировать и в течении одной-двух минут без изменений вставить в собственный текст чужих материалов. Не потому ли психологический и психотерапевтический плагиат стал явлением чрезвычайно распространенным.

Помню, как в уже далеком 2003 г. забрела на достаточно известный питерский психолого-педагогический сайт, наткнулась на статью по своей проблеме, открыла и с первых же строк узнала этот текст. Это было дословное воспроизведение фрагмента моей статьи, двумя годами раньше опубликованной на многостраничной вкладке популярной газеты-“толстушки” “Школьный психолог” [27].

По наивности я отправила мейл “хозяйке” сайта Хоменко Н. И даже ответ получила. Ответ, смысл которого лучше всего выразит просторечное: “Какие мелочи! Не берите себе в голову...”. Странно, но мне стало ... стыдно. По-видимому, именно из-за этого жгучего стыда я хорошо усвоила урок: обращаться к “хозяевам” различных изданий с аргументированным свидетельством о плагиате и просьбой, если не восстановить имя подлинного автора, то хотя бы снять “украденный текст” со страниц сайта – это “неприлично”. Кстати, недавно открыла сайт “Inter-pedagogika.ru” и убедилась: минуло десять лет, а текст и поныне там. Мой текст, но по-прежнему под фамилией “Зайцева”* ...

Обсуждение
в кулуарах
похитителей
интеллектуальной
собственности

Увы, я не одинока. Многие из коллег, горячо осуждая в кулуарах похитителей интеллектуальной собственности, предпочитают не высказываться в печати. По-видимому, исходят из принципа, что научное сообщество – это своего рода республика ученых, которая выше публичного осуждения людей, использующих плагиат. Или – закрытая организация, которая молчаливо решает свои внутренние вопросы (борется против нарушения норм науки, используя внутренние инструменты сдерживания, наказания и поощрения), но не посвящает в свою борьбу посторонних.

Может ли научное сообщество бороться с плагиатом? В 2004 г. на портале Auditorium.ru состоялась виртуальная дискуссия “Плагиат: оборотная сторона модернизации или вечная проблема науки?” Дискуссия нача-

---

* Зайцева Е.С. Психологическое сопровождение // Формирование профессиональной культуры будущего специалиста. Материалы X студенческой научной конференции и V международных педагогических чтений. – Архангельск, 2003. URL www.inter-pedagogika.ru

лась с письма д.ист.н., ведущего н.с. Института российской истории РАН, лауреата Государственной премии РФ, действительного члена Академии военных наук Елены Сенявской в редакцию журнала “Отечественная история”, посвященного проблеме интеллектуального воровства. Она рассказала о конкретном случае плагиата, когда преподаватели различных вузов разобрали на “запчасти” её статьи [28].

Научное сообщество должно знать своих героев

Научная общественность должна знать своих “героев”: доктор исторических наук, профессор кафедры дореволюционной истории России Челябинского государственного университета Игорь Нарский, продолжая тему, начатую Е. Сенявской, заметил: хотя “искусство компиляции – одна из профессиональных добродетелей представителей интеллектуальных профессий”, уважающие себя члены научного цеха должны ясно осознавать и публично демонстрировать источники происхождения заимствованных плодов чужого труда: “Иначе научный рынок теряет прозрачность, приобретая черты барахолки, специализирующейся на скупке краденого” [29].

Инициатор плагиата

Материалы этой дискуссии стали для меня своего рода разрешением на рассказ о частном случае плагиата. Инициатор плагиата – неплохой московский практический психолог Шадура А.* (выделяю его фамилию жирным курсивом, ибо он заслужил того, чтобы получить широкую известность). Заслужил тем, что в одной статье “скопипастил”** тексты не одного, а трех авторов, с каждым из которых он знаком лично и связан человеческими отношениями.

Из моих текстов Шадура А.Ф. выбрал статью, в которой я рассказала о собственной работе с родителями детей, переживших трагический опыт заложничества***. Этот текст так понравился Шадуру А.Ф., что он умудрился скопировать его практически полностью (включая все приводимые мной цитаты и сно-

* Шадура А. Требования к специалистам, оказывающим экспресс-психологическую помощь людям, пережившим трагедию// Помощь детям, подросткам и молодежи, переживающим кризисные жизненные ситуации: методический сборник. – Ижевск, 2007. – С. 17–30. URL www.nn.ru/.../10457531-pomos-detjm-_podrostkam_i_molodezi-_pere

** *Копипаст* (от англ. *copy* – из многих значений – снимать копию, копировать; *paste* – множественное число значений, в том числе – вклеивать, вставлять) – словечко, возникшее в интернете. Обозначает любую информацию, которая была скопирована.

*** *Осухова Н.* Частный случай на фоне общей трагедии// Школьный психолог. – 2005. – № 17.

ски), что заняло шесть с половиной страниц его тринадцатистраничной статьи. Редактированием он себя не утруждал: мой текст сокращен всего на 60 строчек, кое-где исчезли признаки “женского рода” да имя мамы подростка-заложника бесланской школы заменено безлично-терапевтическим “клиентка”. Однако в неприкосновенности сохранены все названия подразделов статьи <...>

Шадура Александр
вполне достоин
места в Книге
рекордов Гиннеса

Думаю, Шадура А.Ф. вполне достоин места в Книге рекордов Гиннеса, как персоне, сумевшая на 13 страницах дословно (или близко к этому) списать тексты как минимум трех представителей одной научной школы (я имею в виду научную школу академика В.С. Мухиной). Принадлежит именно к этой научной школе, я свободно смогла определить, какие именно идеи самой В.С. Мухиной и какую статью А.С. Обухова конкретно использовал автор). Правда, тексты самой главы школы Шадура А.Ф. не потрудился прочитать в подлиннике (сложновато, наверно, оказалось?) ...».

На этом рефлексии пострадавшей от плагиата Н.Г. Осуховой прерываются.

Требования к
специалистам
оказывающим
помощь
пережившим
трагедию... когда
мир раскалывается

Некоторое время тому назад мои коллеги передали мне отпечаток статьи Шадуры Александра* (есть еще Андрей Шадура – брат сего gentlemana).

Взяв в руки сей текст, я обнаружила, что его первые 7–8 страниц списаны в большей своей части из статьи моего ученика (со студенческой скамьи) и коллеги – кандидата психологических наук, докторанта Алексея Обухова. На всех этапах поступательного развития Алексея я была его научным руководителем.

Статья «Когда мир раскалывается на жизнь и смерть»** в 2004 вызвала у меня несказанно сложные чувства... Вынуждена рассказать все по порядку.

Предыстория

1 сентября 2004 и в последующие дни Россия и остальной мир следили с тревогой за тем, что происходило в школе №1 в городе Беслане в Северной Осетии. Я в тот день с ужасом увидела по ТВ репортаж из Беслана.

Первая мысль: «Надо срочно ехать туда!». Через короткое время уже в ночи позвонил председатель Рос-

* См.: Шадура А. «Требования к специалистам, оказывающим экспресс-психологическую помощь людям, пережившим трагедию». Помощь детям, подросткам и молодежи, пережившим кризисные жизненные ситуации: методический сборник. – Ижевск, 2007. – С. 17–30.

** Обухов А. Когда мир раскалывается на жизнь и смерть... Психологическая экспресс-помощь детям Беслана. Народное образование, – №9, 2004. – С. 183–201.

Вечерние бдения
психологов
Владикавказа

сийского детского фонда Альберт Анатольевич Лиханов: «Едете?» «Да!» «Завтра!» «Нет послезавтра. Надо предупредить и собрать команду и закупить стимульный материал, необходимый к этому случаю. Я уже продумала, что нам нужно. Кто от фонда поедет со мной в детский мир?» <...> Мы обо всем договорились.

Через два дня команда психологов прибыла во Владикавказ, где мы тотчас же начали работать с малыми детьми и школьниками всех возрастов, которых доставили в больницу из Беслана. Врачи, медсестры и массажисты с готовностью помогали нам – психологам.

Вечерами, когда мы покидали больницу, по моей инициативе я читала лекции, проводила беседы, консультировала психологов Владикавказа и общалась с родителями, дети которых пострадали на территории школы №1 Беслана.

Ежевечерне собиралась довольно большая группа заинтересованных в обретении опыта работы оказания экспресс-помощи жертвам экстремальных событий. Психологи моей команды всегда могли присутствовать на лекциях (мероприятие было для них делом добровольным). Никто из них никогда не избегал этой вечерней работы. Реально вечерние сборы имели своей целью: преподнести систематизированный материал работы в экстремальных ситуациях; осмыслить события прожитого дня (наши успехи, откровения и огорчения); обсудить стратегии (общий план проведения нашей работы) и тактики (способы, приемы и средства) как способы построения единой линии организации нашей деятельности.

Я должна была здесь сказать о стиле работы моей группы психологов для того, чтобы было ясно то, о чем я вынуждена говорить в контексте задуманной мной статьи о фальсификаторах и плагиаторах.

У всякого плута свои
расчеты

В нашей рабочей группе был и мой ученик Алеша. Я всегда говорю о нем как о способном человеке. (Некоторые его способности неизменно восхищают меня). Алеша прилежно посещал вечерние лекции.

По возвращению в Москву Алексей весьма оперативно (он вообще быстрый!) опубликовал материалы моих лекций и бесед под своей фамилией в журнале «Народное образование», главный редактор которого Алексей Кушнир – тоже мой ученик, кандидат психологических наук. Когда я прочла статью, то испытала чувство смятения: он достаточно точно изложил содержание моих лекций. Я испытала шок от поступка моего Алеши... В опубликованной статье Алексей, правда, ссылался на В.С. Мухину, но о многом говорил и от своего лица.

«Но, Алеша! Ведь подобный опыт ты получал первый раз в своей жизни. И некоторые знания, как *откровения*, ты захотел присвоить! Ты писал: «Зная о ситуации, актуализирующей до предела проблему воды, мы взяли с собой куклу, которую можно было поить, а потом сажать на горшок». Но это я знала о ситуации в Беслане. Ты, мой дорогой, не знал ситуации, а если бы знал, то так быстро не сообразил бы что в этой связи можно было бы предпринять... Кукол было две, но этого ты тоже не знал, так как с этими куклами ты не работал. Ты занимался совсем другими делами.

Умный человек
не обязан плутовать

«Я не могу понять тебя, Алеша, ведь ты способный человек. И я к тебе отношусь сердечно. Разве что, спросить у Вл. Даля отчего он написал: “Умный человек не может не плутовать”? Но ведь плут – ловкий обманщик, мошенник, нечестный человек [30, с. 130] Не верю, что если умный, то обязательно плут».

Через некоторое время Алеша несколько смущаясь вручил мне экземпляр того злополучного журнала. Позже я нашла случай, чтобы сказать Алеше лично, что я об этом обо всем думаю. Когда-то я сделала нам подарок – мы с Алексеем стали членами союза журналистов.

Испытывая чувство неловкости, я все-таки сказала Алексею, что огорчена его поступком. Во-первых, я его неизменно люблю и мне больно быть свидетелем его недостойных проявлений. Во-вторых, если он действует как журналист, то он должен был бы просить моего согласия дать интервью. В-третьих, если он выступил как психолог, то он просто плут: опубликовал результаты долговременно обретаемого мной в экстремальных ситуациях опыт. На этот счет у меня есть свои планы.

Я испытываю
чувство неловкости

Я говорила, испытывая неловкость за Алешу и за себя (Что я делаю не так? Что позволило моему ученику так поступать?). На моих суждениях и переживаниях все как-будто и закончилось... Меня смущало предчувствие: а что, если кто-то перепишет и провозгласит теперь уже от своего имени страницы из статьи подписанной Алексеем?

И вот не прошло и трех лет как объявился новый плут – Шадура Александр. Он списал слово в слово из опуса Алексея многие страницы... Шадура Александр родной брат еще одного моего ученика – Андрея Шадуры, кандидата психологических наук. Если бы не произошло столь непристойного события, я бы воздержалась поднимать эту муть со дна житейской реки под невыносимо стыдным названием «плагиат».

«Алеша! Видишь как неприлично вышло: меня благодаря тебе так постыдно дважды обокрали (или обобрали?)».

Я полагаюсь на Бога, который все видит... Но тогда как же народная поговорка: «Не тот вор, кто ворует, а тот кто ворам потакает»?

Отчего так погано на душе?

Что касается моего Алеши, то здесь следует сказать: мы не единожды обсуждали сей инцидент. Алексей понял мои переживания и раскаялся в своем бездумном, спонтанном и поспешном поступке.

Для нас обоих случившееся – теперь важный опыт, который должен быть ориентиром в дальнейшей жизни и профессии.

«Алеша! Я люблю тебя неизменно».

Воровство – феномен нашей человеческой истории

Вообще же, если говорить о воровстве, то это феномен нашей человеческой истории. Воровство, как таковое, осуждается и карается, но неизменно сопровождает человека во все времена.

Воровство вещей (даже мусорных!), идей, просто чужих пустых текстов – нередкий человеческий нравственный недуг. Пойманные воры вещей и денежных купюр обычно подвергаются суду и, осужденные, отсидивают свой срок в зонах.

Уличенные плагиаторы и фальсификаторы – осуждаются изобличающим словом, чаще заочно, реже напрямую. Многие авторы, обнаружив плагиат, не знают как выразить своё возмущение и оскорбленное чувство самоуважения. Нередко эти униженные и оскорбленные стараются отодвинуть подальше от себя сие происшествие.

А те плагиаторы, кто крал? Какие чувства они испытывают совершив столь высоконравственный подвиг? Есть, конечно, природно безнравственные субъекты. Их не поправить. Но есть те, кто знает о порочности своего поступка. Возможно им даже неловко и стыдно. Вот для таких стыдящихся хочу привести притчу приведенную епископом Игнатием Брянчаниновым:

«Брат сказал авве Сисою: авва! Что делать мне? Я пал. Старец отвечал: встань. Брат сказал: я встал, и опять пал. Старец отвечал: снова встань. Брат: доколе же мне вставать и падать? Старец: до кончины твоей» [31, с. 324].

Главное, чтобы покаяние было искренним, а мышление в сфере науки – безусловной потребностью тех, кто притязает на глубокое погружение в познание. Полагаю, что входящие в сферы науки должны с благо-

говением пámятовать о значительной мысли Г.В.Ф. Гегеля: «Мышление составляет не только субстанцию внешних вещей, но так же и всеобщую субстанцию духовного» [22, с. 122].

В контексте обсуждаемой проблемы можно сказать: воровство составляет не только субстанцию поступков человека в мире вещей и в мире идей, но также и всеобщую субстанцию аморализма.

---

1. Альберт Эйнштейн о науке // Развитие личности. – №2. – 2011. – С. 167–181.

2. *Поппер К.Р.* Предположения и опровержения: Рост научного знания: Пер. с англ. – М., 2004.

3. *Поппер К.Р.* Знание и психофизическая проблема: В защиту взаимодействия: Пер. с англ. – М., 2008.

4. *Поппер К.Р.* Объективное знание. Эволюционный подход: Пер. с англ. – М., 2002.

5. *Швырев В.С.* Фальсификация // Новая философская энциклопедия: В 4-х т. – Т. 4. – М., 2010. – С. 159.

6. *Толстой Л.Н.* Что такое искусство? // Статьи об искусстве и литературе: Собр. соч. в 20-ти т. – Т. 15. – М., 1964. – С. 44–231.

7. *Эккерман И.П.* Разговоры с Гете в последние годы его жизни: Пер. с нем. – М., 1986.

8. *Выготский Л.С.* Психология искусства. – М., 1987.

9. *Мухина В.С.* Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты): 3-е изд., исправл. и доп. – М., 2013.

10. *Платон.* Государство: Собр. соч. в 4-х т. – Т.3. – М., 1994. – С. 79–420.

11. *Аристотель.* Никомахова этика: Соч. в 4-х т. – Т. 4. – М., 1984. – С. 53–293.

12. *Маркс К.* Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: Изд. 2-е, в 50-и т. – Т.3. – М., 1955. – С. 1–4.

13. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 3. – С. 7–544.

14. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: Изд. 2-е, в 50-и т. – Т. 42 – М., 1955. – С. 41–174.

15. *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // Марк К., Энгельс Ф.: Соч.: Изд. 2-е, в 50-и т. – Т. 20. – М., 1961. – С.1–338.

16. *Выготский Л.С.* Развитие высших психических функций. – М., 1960.

17. *Маркс К.* Капитал // Маркс К., Энгельс Ф.: Соч.: Изд. 2-е, в 50-и т. – Т. 23., Кн. 1 (Гл.5). – М., 1961.
  18. *Энгельс Ф.* Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф.: Соч.: Изд. 2-е, в 50-и т. – Т.20. – М., 1961. – С. 343–626.
  19. *Павлов И.П.* Полное собрание сочинений. – Т. IV. – М., Л., 1951.
  20. *Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. – М., 1994.
  21. *Выготский Л.С., Лурия А.Р.* Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок. – М., Л., 1930.
  22. *Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук. – Т. I. Наука логики. – М., 1974.
  23. *Даль В.И.* Мошенничество – воровство. Воровство – грабеж // Пословицы русского народа: В 3-х т. – Т.1. – СПб., 1996. – С. 222–229.
  24. *Кондратьев М.Ю.* Осторожно: плагиат. Вопросы психологии, 1996. – №4. – С. 154.
  25. *Братусь Б.С.* Психология без труда и усилий. // Вопросы психологии. – 1999. - №1. – С. 117–119.
  26. *Черная А.В.* Развитие личности в контексте традиций игровой культуры: Автореф. дисс. доктора психол. наук. – М., 2007.
  27. *Осухова Н.* Психологическое сопровождение семьи и личности в кризисной ситуации // Школьный психолог. – 2001. – № 31.
  28. *Сенявская Е.С.* Письмо в редакцию // Отечественная история. – 2006. – № 6. – С. 183–184.
  29. *Нарский И.В.* Пара слов о профессиональных добродетелях ученого и их изнанке // Auditorium.ru
  30. *Даль В.И.* Плут // Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. – Т.III. – М., 1982. – С. 130–131.
  31. *Святитель Игнатий Брянчанинов.* Сисой Великий // Отечник. – VI. – М., 1993. – С. 322–325.
-